

**Орехова Валерия Дмитриевна**

аспирантка кафедры международных отношений  
и внешней политики России  
Саратовского государственного университета  
имени Н.Г. Чернышевского

**РОЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ США  
В КОНЦЕПЦИИ  
«ГОСУДАРСТВ-ИЗГОЕВ» [1]**

**Orekhova Valeria Dmitrievna**

PhD student,  
International Relations  
and Russian Foreign Policy Department,  
Saratov State University

**THE ROLE OF THE USA  
IDENTITY IN THE “ROGUE STATES”  
CONCEPT [1]**

**Аннотация:**

*В статье рассматривается концепция «государств-изгоев» как социальный конструкт, созданный правительством США. Для объяснения заложенного в нем конфликтного потенциала применяется теория идентичности. Сделаны выводы об условиях возникновения концепции и причинах отказа администрации Б. Обамы применять ее на официальном уровне.*

**Ключевые слова:**

*политика США, государства-изгои, концепция, конструктивизм, идентичность, международные конфликты, безопасность.*

**Summary:**

*The article examines the “rogue states” concept as a social construct created by the U.S. government. The author explains the conflict potential in its core by means of the identity theory. Conclusions are drawn about the reasons of the concept’s emergence and the refusal of B. Obama and his administration to apply it at the official level.*

**Keywords:**

*the U.S. policy, rogue states, conception, constructivism, identity, international conflicts, security.*

**Введение**

С точки зрения социального конструктивизма концепция «государств-изгоев» (rogue states), сформулированная американским правительством в 1990-е гг., – искусственно созданная часть общественного сознания, отражающая устойчивые негативные представления о группе авторитарных стран. Она косвенно оказывает влияние на развитие международно-правовых отношений в таких сферах, как борьба с терроризмом и распространением ядерного оружия, установление санкционных режимов, совершенствование системы безопасности на общепланетарном и региональном уровнях, возникновение новой нормы международного права – «обязанность защищать». Последствия перечисленных процессов неоднозначны и зачастую приводят к крупным внутригосударственным и международным конфликтам.

Поскольку уже в самом значении слова «изгой» заложено неравенство и противопоставление, можно назвать концепцию результатом столкновения различных культур, мировоззрений и применить в ходе дальнейшего ее анализа теорию идентичности.

Цель данной работы – объяснить причины возникновения и прекращения использования в американском политическом дискурсе социального конструкта «государство-изгой». Для достижения обозначенной цели поставлены следующие задачи: рассмотреть данную концепцию с позиции теории идентичности и проследить этапы изменения в идентичности США начиная с первого президентского срока У. Клинтона.

**Концепция «государств-изгоев» и теория идентичности**

Понятие «идентичность» является одним из центральных в конструктивизме. Профессор кафедры социологии международных отношений МГУ В.В. Кочетков [2, с. 10] считает необходимым разграничивать идентичность национальную (чувство принадлежности каждого индивида к конкретной нации) и государственную («относительно устойчивые, связанные с конкретной ролью ожидания по поводу себя», реализуемые странами на международной арене).

На сегодняшний день сформулировано несколько классификаций идентичности государства, но удобнее всего рассматривать суть концепции «изгоев», применяя вариант, предложенный У. Блумом [3, с. 386], поскольку он выбрал в качестве центрального критерия соотношение с внешней политикой. По мнению ученого, некоторые правительственные апеллируют к идентичности, решая так внешнеполитические задачи (мессианский национализм); другие, наоборот, особым образом выстраивают отношения с остальным миром для формирования идентичности; у третьих после внутренних потрясений («цветные революции») и сильного воздействия других акторов идентичность находится в стадии транзита.

По утверждению А. Вендта [4, р. 113], различия между социумами / индивидами кроются в особенностях их взаимоотношений друг с другом или, иными словами, с внешней средой. Стигматизация проходит, как правило, два этапа [5, с. 54]: на первом, в результате многократного нарушения отдельным государством международных норм, мировое сообщество ставит на него клеймо «изгой»; на втором, в результате интернализации, признания «изгоем» его статуса, проявляется вторичное девиантное поведение, основной мотив которого – негативное восприятие со стороны окружающих. Осуждение создает иллюзию враждебной внешней среды, способствует консолидации населения и помогает правительству, разыгрывая эту карту, принимать непопулярные управленческие решения, что позволяет отнести всех «изгоев» ко второму типу классификации идентичности государства по У. Блуму.

Соответственно, теория идентичности применима при ответе на вопрос, почему возникла концепция «государств-изгоев». Это естественная реакция большинства на действия «нарушителей». В то же время непонятен отказ многих западноевропейских стран, а также России и Китая применять ее на официальном уровне: особенно отчетливо отсутствие консенсуса по данному вопросу проявилось в 2003 г. во время военной кампании в Ираке.

Традиционно международные конфликты принято рассматривать с позиции геополитических теорий, оценивающих потенциал противников и их цели, продиктованные национальными интересами. Конструктивизм несколько расширяет этот подход, подчеркивая значение субъективных факторов при поддержании конфликтного потенциала и сохранении коллективной идентичности. Образ «другого», используемый правительствами для снижения психологического барьера собственного населения и оправдания применения насилия, намеренно «демонизируется». Этот процесс облегчается за счет доступности информации (не всегда достоверной) и высокой скорости ее распространения (способствующей эмоциональной напряженности), а также компаративного усложнения представлений о «другом», когда граница идентичности расширяется и проводится уже, например, не по национальному принципу, а в соответствии с разделяемыми в обществе ценностями (например, демократическими). Более того, по мнению исследователя Д.В. Черноброва, существует тенденция криминализации «другого» – если раньше он воспринимался как равноправный оппонент, то теперь его поведение трактуется как девиантное / преступное, санкционирующее внешнее вмешательство [6, с. 89].

Поскольку «авторские права» на концепцию «государств-изгоев» принадлежат правительству США, логично утверждать, что она отражает их интересы, условно сводимые к трем основным направлениям: обоснование необходимости поддержания военной мощи, сохранение собственной идентичности после распада соцлагеря, удерживание лидерских позиций в мире за счет установления контроля над «проблемными» регионами [7].

Персонализация / антропоморфизм ряда стран, употребление по отношению к ним оценочной категории «изгой» – всего лишь сильный рекламный ход для создания негативного имиджа оппонента [8, р. 197]. Быть государством «вне закона» (outlaw) – значит потерять защиту со стороны международного сообщества, стать лишенным прав преступником. Однако изгой и преступник не являются синонимами, существование в политическом дискурсе одновременно обоих понятий, определяющих один и тот же круг государств, свидетельствует о сложной природе социального конструкта «государство-изгой», для которого «нарушение международного права» – далеко не исчерпывающий критерий. Изначально главный акцент делался на угрозу безопасности (А): стремление некоторых стран получить оружие массового уничтожения, поддержку террористических организаций. Затем на первый план вышла другая составляющая – «культурная деградация» [9] (В) – нарушение прав и свобод человека, пренебрежение стандартными инструментами выстраивания отношений с другими акторами мировой политики, проявляющееся в безрассудных и необдуманных решениях, отказе от взятых обязательств, неожиданных нападениях на своих противников.

Многие страны, будучи либо недемократическими, либо владеющими ядерным оружием, не попадают в список «изгоев»: Индия, Израиль, Туркменистан, Узбекистан, Египет, Конго и т. д. Это можно объяснить необходимостью одновременного выполнения обоих условий (А и В), но тогда остается неясным, почему к «изгоям» причисляют Сирию, Кубу, иногда Мьянму (Бирму), Зимбабве, Пакистан. Здесь добавляется третий компонент – «антиамериканизм» (С). Сочетания АВС, ВС и АС наиболее точно описывают множество «изгоев», причем важно, что в каждом из них присутствует С.

Таким образом, теория идентичности отчасти объясняет причину возникновения концепции «государств-изгоев», а также ее смысловое наполнение, продиктованное геополитическими интересами США: средство решения внешнеполитических задач (первый тип идентичности по У. Блуму).

Стоит отметить, что «заказчиком» концепции изначально выступила администрация У. Клинтона, тем не менее в конце второго срока президент намеренно отказался от ее использования. После 11 сентября 2001 г. при Дж. Буше-младшем борьба с «изгоями» вновь заняла место центральной компоненты внешнеполитической стратегии. Однако пришедший к власти в 2009 г. Б. Обама решил не применять ее в официальных выступлениях. При этом очевидно, что с начала 1990-х гг. представление о собственной роли в мире и восприятие «изгоев» в США кардинально не поменялись. Возникает вопрос: если противопоставление «мы – другие», лежащее в основе идентичности, сохраняется, каковы причины подобных «метаний»?

#### **Влияние концепции «государств-изгоев» на изменение идентичности США**

Британская исследовательница А. Гомолар [10] на примере двух важных событий в мировой политике – война в Персидском заливе и северокорейский ядерный кризис – демонстрирует этапы формирования концепции «изгоев» в США. Вторжение Ирака в Кувейт и успешное проведение операции «Буря в пустыне» предоставили американцам возможность изменить самовосприятие, избавиться от вьетнамского синдрома и впервые с согласия большинства членов ООН (в том числе России) выступить в роли защитника международного права. В 1992 г. Дж. Буш назвал войну в заливе «пробным камнем на пути борьбы с вызовами, с которыми, вероятно, предстоит столкнуться в будущем... От Каддафи в Ливии до Ким Ир Сена в Северной Корее: возникшие на нашем горизонте угрозы могут быть очень похожими на те, что исходили от Ирака» [11]. Однако подобная риторика и большое влияние представителей оборонно-промышленного комплекса не означали мгновенного завершения процесса поиска государственной идентичности США, связанного напрямую с прекращением холодной войны. Подтверждением служит приход к власти У. Клинтона, обещавшего уделять больше внимания именно внутренней политике, освободив средства за счет свертывания военных программ.

В 1993 г. начался северокорейский ядерный кризис, и в США всерьез рассматривался силовой вариант его решения. Несмотря на дипломатическое урегулирование в 1994 г., конфликт был использован американским правительством для популяризации концепции «государств-изгоев». С 1993 г. по 1998 г. наблюдалось многократное увеличение случаев использования в СМИ стигмы «изгой» [12], переставшей быть понятием, встречающимся ранее только во внутренних правительственных документах. Наиболее часто «изгоями» назывались Иран, Ирак, Ливия и Северная Корея; Куба, Судан и Сирия упоминались гораздо реже.

В окончательном виде концепцию сформулировал советник президента США по национальной безопасности Э. Лэйк, обосновавший необходимость стратегии сдерживания «изгоев», применявшейся ранее в отношении Советского Союза. Использование этой устаревшей схемы, попытка придать ей новый смысл свидетельствовали, по мнению профессора Университета Квинсленда Р. Блейкера, о том, что «внешняя политика США продолжала развиваться согласно клише милитаризованного мышления времен холодной войны» [13, с. 721] (эта любопытная особенность проявилась затем и в период президентства Дж. Буша-младшего, который ввел новое понятие – «ось зла», по аналогии с «империей зла»).

В то же время администрация США попала в собственную ловушку. Использование концепции ограничило стратегическую гибкость правительства: употребление понятия «изгой» в отношении нескольких стран требовало выработки универсального подхода к ним, на практике это оказалось невозможным, и в 2000 г. было принято решение заменить слишком эмоциональное обозначение «изгой» на более корректное (и одновременно неконкретное) – «государство, вызывающее озабоченность» (state of concern).

С приходом к власти в 2001 г. республиканской администрации, противопоставлявшей себя предшественникам, началась эра унилатерализма во внешней политике США. Теракт 11 сентября во многом повлиял на формирование доктрины Дж. Буша, предполагающей переход от обычного сдерживания «изгоев» к их превентивной нейтрализации без оглядки на мнение международного сообщества. В этой бескомпромиссности и заключалась основная ошибка Вашингтона, создавшего себе после начала войны в Ираке имидж агрессора.

Репутации мирового лидера, защитника международного права был нанесен колоссальный ущерб. Исправить ситуацию попытался Б. Обама, отказавшись от использования на официальном уровне понятия «государство-изгой». Этот социальный конструкт стал дорого обходиться для внешней политики США, поскольку требовал каждый раз обосновывать соответствие уже установленным критериям: распространение оружия массового уничтожения, авторитаризм, поддержка международного терроризма, нарушение прав и свобод человека. Например, формально Ливия перестала быть «изгоем» после снятия с нее режима санкций в 2004 г., но в то же время обострение внутривнутриполитических проблем в этой стране позволило Соединенным Штатам в составе широкой международной коалиции вмешаться в конфликт, используя в качестве пропагандистского арсенала риторику совершенного иного плана – обеспечение защиты мирного населения.

В своей речи на церемонии вручения Нобелевской премии мира [14] Б. Обама сделал ставку уже не на важность соблюдения демократических принципов – универсальную ширму, набившую всем оскомину, а исключительно на моральные ценности. Достоинство личности обозначено им как условие прогресса, что оправдывает давление, оказываемое в гуманитарных целях лидерами мирового развития на остальные страны. Новаторство Б. Обамы заключалось в косвенном признании несостоятельности концепции «изгоев», слишком упрощенной и от этого устаревшей. Другими словами, он перекроил базис идентичности государства, сформированной предшествующими администрациями, без выражения несогласия с общим внешнеполитическим курсом в том виде, каким он был на момент его инаугурации.

### **Заключение**

Несмотря на критику понятия «изгой», подчеркивающего отсутствие равенства в межгосударственных отношениях, именно оно закрепилось в общественно-политическом дискурсе. Его максимальная, в сравнении с остальными вариантами, эмоциональность лучше всего отражает противопоставление «мы – другие», апеллируя тем самым к идентичности мировых лидеров. В результате понятие стало гораздо более популярным, нежели концепция, являющаяся по своей природе средством индивидуального пользования и предназначенная исключительно для США.

Возвращаясь к поставленной цели исследования, делаем вывод о допущенной правительством Соединенных Штатов ошибке: концепция «государств-изгоев» изначально не могла получить в мире широкое признание в связи с тем, что не отражала идентичности остальных полюсов политической системы. В случае с ее компонентами А (угроза международной безопасности) и В («культурная деградация») это условие соблюдалось, помехой стала лишь составляющая С (антиамериканизм, имеющий отношение исключительно к США). Соответственно, решение Б. Обамы отказаться от концепции вполне оправдано, но с учетом сохранения общей направленности американского внешнеполитического курса логично ожидать разработку ее новой редакции уже с другим компонентом С.

### **Ссылки и примечания:**

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15–37–01208.
2. Кочетков В.В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26.
3. Bloom W. *Personal Identity, National Identity and International Relations*. Cambridge, 1996.
4. Wendt A. On Constitution and Causation in International Relations // *Review of International Studies*. 1998. Vol. 24, № 5. P. 101–117.
5. Харкевич М.В. Государства-изгои и международное сообщество // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М., 2011. С. 48–64.
6. Чернобров Д.В. Идентичность в современном международном конфликте: периодизация истории конфликтов через призму «другого» // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (30). С. 86–91.
7. Бартенев В. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // *Международные процессы*. 2009. № 1. С. 84–92.
8. Sharp P. *Diplomatic Theory of International Relations*. Cambridge, 2009.
9. Kustermans J. *Roguerie and Citizenship: Rogue State Ontology and Politics* [Электронный ресурс]. URL: <https://soc.kuleuven.be/web/files/11/72/W17-189.pdf> (дата обращения: 13.08.2015).
10. Homolar A. *Rebels without a Conscience: The Evolution of the Rogue States Narrative in US Secretary Policy* // *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 17, № 4. P. 705–727.
11. Bush G.H.W. Remarks to the American Legion National Convention in Chicago, Illinois. August 25, 1992 [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=21371> (дата обращения: 24.06.2015).
12. Hoyt P.D. The 'Rogue State' Image in American Foreign Policy // *Global Society*. 2000. Vol. 14, № 2. P. 297–310.
13. Bleiker R. A Rogue is a Rogue is a Rogue: US Foreign Policy and the Korean Nuclear Crisis // *International Affairs*. 2003. Vol. 79, № 4. P. 719–737.
14. Обама Б. Речь на церемонии вручения Нобелевской премии мира [Электронный ресурс] // Голос Америки. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/obama-nobel-speech-full-2009-12-10-79027682/663732.html> (дата обращения: 17.07.2015).

### **References and notes:**

1. The publication is prepared in the framework of a research project supported by the RHF № 15-37-01208.
2. Kochetkov, VV 2010, 'Identity in international relations: the theoretical foundations and the role in world politics', *Bulletin of Moscow University. Series 25: International relations and world politics*, no. 1, p. 5-26.
3. Bloom, W 1996, *Personal Identity, National Identity and International Relations*, Cambridge.
4. Wendt, A 1998, 'On Constitution and Causation in International Relations', *Review of International Studies*, vol. 24, no. 5, p. 101-117.
5. Kharkevich, MV 2011, 'Rogue states and the international community', in Ilyin, MV & Kudryashova, IV (ed.), *The asymmetry of the world system of sovereignty: the problem of statehood zone*, Moscow, p. 48-64.
6. Chernobrov, DV 2013, 'The identity of the modern international conflict: the periodization of the history of conflict through the prism of the "other"', *Herald of MGIMO University*, no. 3 (30), p. 86-91.
7. Bartenev, V 2009, 'The concept of "rogue states" in US foreign policy', *International processes*, no. 1, p. 84-92.

8. Sharp, P 2009, *Diplomatic Theory of International Relations*, Cambridge.
9. Kustermans, J 2015, *Roguary and Citizenship: Rogue State Ontology and Politics*, retrieved 13 August 2015, <<https://soc.kuleuven.be/web/files/11/72/W17-189.pdf>>.
10. Homolar, A 2010, 'Rebels without a Conscience: The Evolution of the Rogue States Narrative in US Secretary Policy', *European Journal of International Relations*, vol. 17, no. 4, p. 705-727.
11. Bush, GHW 1992, 'Remarks to the American Legion National Convention in Chicago, Illinois, August 25', *The American Presidency Project*, retrieved 24 June 2015, <<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=21371>>.
12. Hoyt, PD 2000, 'The 'Rogue State' Image in American Foreign Policy', *Global Society*, vol. 14, no. 2, p. 297-310.
13. Bleiker, R 2003, 'A Rogue is a Rogue is a Rogue: US Foreign Policy and the Korean Nuclear Crisis', *International Affairs*, vol. 79, no. 4, p. 719-737.
14. Obama, B 2009, 'Speech at the ceremony of the Nobel Peace Prize', *Voice of America*, retrieved 17 July 2015, <<http://www.golos-ameriki.ru/content/obama-nobel-speech-full-2009-12-10-79027682/663732.html>>.